

Родители вернулись домой через пару дней. И, видимо, запаниковали, когда не обнаружили меня. Волнение наверняка усилил мой комм, лежащий в пустой комнате.

На устройстве был неотключаемый датчик местоположения, поэтому брать его с собой было бы безумием. Благо что на большинство прыжков я старалась тратить как можно меньше времени.

В этот раз я отсутствовала не более получаса, прогуливаясь на одном тропическом островке посреди Тихого океана. На берегу лежали такие красивые ракушки, что я не удержалась выбрать несколько в качестве основы под артефакты.

Какие они восхитительные! Обожаю ракушки.

Вынырнув в своей комнате, я тут же поняла, что что-то пошло не так: моего комм не оказалось на месте, да и некоторые вещи были немного сдвинуты.

Снизу послышался голос мамы.

Только тогда до меня дошло, что родители вернулись не по плану и сейчас всю меня искали.

Пришлось срочно закидывать ракушки в гардероб и напрягать остатки воли, чтобы прыгнуть в гараж. Уже оттуда, я вошла в дом как положено. Правда, выдавали меня короткие шорты и майка не по сезону.

- Где ты была!? - у отца было бледное лицо и осипший голос. - Лель, Сандра тут!

Мама мигом слетела по лестнице и сжала меня в объятиях.

- Почему ты не берешь с собой комм!? - отец нервно сжал виски.

- Что произошло? Вы меня потеряли, что ли? - прикинулась я, словно ничего не понимала. - В гараже была, протирала скутер. А комм не брала, чтобы руками грязными не испачкать.

Я протянула пыльные ладони. На них были следы налипшего песка и лиственного мусора. Кто сейчас будет проводить экспертизу, что это грязь со скутера, а не с тропического пляжа? Особенно в таком состоянии.

Заглянуть в гараж они не догадались, поэтому моя отговорка прокатилась.

*

Через пять минут в дом влетел взмыленный Аск. Родители успели ему позвонить в поисках меня.

“Это недоразумение! Все под контролем!” - тут же начала я оправдываться, глядя на его горящий взгляд.

Вместо ответа, он крепко прижал меня к себе и долго не отпускал. Даже родители на это ничего не сказали.

Для брата мое внезапное исчезновение было не менее страшным, чем для мамы с папой. Он знал, что пропасть я могу куда дальше родного дома и даже планеты. Туда, куда ни у кого доступа нет и никогда не будет.

Поэтому я позволила этим объятиям длиться столько, сколько он сам пожелает. Хотя мне очень хотелось помыться, а не только лишь быстренько сполоснуть руки.

Все эти дни, каждую минуту я думала об Аске. Но каждый раз, как заглядывала к нему в астральной форме, он был чем-то увлечен или занят. Поэтому даже звонить было неловко. Хотелось довести навык перемещения в пространстве хоть до какого-то уровня, прежде чем показываться ему на глаза и с уверенностью о чем-либо говорить.

Возможно, я поступила неправильно. Но родители с детства приучили доводить дело или любой мелкий проект до финальной стадии. И часто критиковали за сырые работы, что я им показывала. Будь то рисунки, поделки или что угодно.

Теперь я прекрасно понимала, насколько мое решение было глупым и эгоистичным. Аск тоже безумно скучал и, похоже, был скорее не занят, а наоборот отвлекал себя лишь бы чем.

От шквала его эмоций я не сдержалась и расплакалась. Словно мы не виделись пару лет, а не полдекады.

*

За час все относительно успокоились. Аск так и не выпустил меня из рук, продолжая тыкаться носом. Что дико смущало. От меня несло потом. Все же на пляже да и на юге не очень прохладно. Особенно под палящим солнцем. Да и щеки до сих пор горели от слез.

Как оказалось, родители приехали домой на денек-два. Пустельге требовалась профилактическая диагностика после нескольких длительных перелетов, а маме с папой - полноценный отдых.

- Ты где-то успела загореть? - заметила мама мой потемневший лоб.

А я отметила в уме купить более сильный крем от загара. Пришлось соврать, что гуляла по району, восстанавливая мышечную массу после болезни.

За несколько дней поправиться я так и не успела. Тем более, что с постоянными прыжками все планы на обед или ужин сбивались. Максимум на что меня хватало - это заказать продуктов и приготовить что-то Аску.

- Вы будто с фотосессии не виделись, - слегка нахмурился отец, наблюдая за нашими с Аском обнимашками.

- Так и есть, - наконец отлип от меня брат. - У нас с Алей времени не было. У меня проект.

- У меня тоже сейчас дел много. Так что даже не созванивались, - стыдливо призналась я и наконец-то улизнула в ванную.

На выходе из гостиной мои уши услышали то, от чего встали дыбом волосы: отец предложил Аску остаться на обед.

Я осторожно выглянула из коридора с круглыми глазами.

Похоже, брат был шокирован не меньше меня. Он еще несколько секунд не мог понять, не ослышался ли. Как оказалось, не ослышался.

Выяснилось, что родители не успевали на мою диагностику, а никого кроме Аска рядом не было. Не нанимать же для этого няню? Да и одну меня после сегодняшнего инцидента они отпускать не хотели.

*

Аск из меня чуть всю душу не вытряс, когда узнал о прогрессе.

- Ты же был занят. Не хотела тебя отвлекать.

Он пялился на меня тем же осуждающим взглядом.

- Ладно. Это пока не особо прогресс, как для поставленной конечной цели, - вздохнула я, признаваясь. - Да, это невероятно, все дела. Но мне хотелось закрепить сырой навык. И тогда я собиралась все тебе рассказать.

- Меньше полутора декад осталось, - прошептал он сквозь зубы и уселся на мою кровать. - Насколько твой прогресс далек? В смысле, ты сможешь вернуться домой? Ты уже пробовала

это делать?

Чувство стыда разгорелось с новой силой.

- Нет. Еще не выходила за пределы мира.

Аск ничего не сказал. Лишь грустно взглянул на меня.

- Помню. У меня мало времени, - я запнулась.

Хотела было сказать о своих догадках по поводу нелинейности времени, но не могла заставить его переживать еще больше.

- Ты прав. Не стоит тянуть. Мне необходимо довести до автоматизма простое перемещение, перед тем выходить за границу. Думаю, пройдут годы, прежде, чем я стану уверена в этом навыке.

- Аль, я дал слово, - у брата был сухой обреченный голос. - У тебя нет столько времени. У тебя и полугода нет.

Я молча свернулась калачиком, укладывая все еще влажную голову ему на колено.

Аск ценил и держал свое слово. Для него официальное устное обещание было сродни заверенного юристом документа. Поэтому не стоило надеяться, что он передумает.

Но мне правда не хватало времени. И снова стало страшно. Выходить за пределы мира, в Пограничье, это совершенно иной уровень. Я же могла не вернуться. Шанс такого исхода при всем желании незначительным не назовешь.

- Ясь, что если я не вернусь? - решила я произнести это вслух.

- Ты говорила, что с легкостью найдешь путь домой.

Брат явно не сомневался в моих способностях. Что неудивительно. Все же я его обучала и старалась вести себя наиболее уверенно. Поэтому он невольно воспринимал меня, как более опытную наставницу. Хотя и не отказывал себе в том, чтобы понынчиться.

- До всеведения мне далеко. Могу и ошибаться.

Похоже, он никак не ожидал от меня услышать подобное. Потому что со смешанными чувствами крепко сжал в объятиях.

- Аль, прошу тебя, я чуть не рехнулся за эти несколько дней. Сделай хоть что-то. Ты можешь создать свой собственный Якорь или что-то подобное?

С одной стороны, он прав. Аск дал слово и держал его, как бы мучительно для него самого ни были условия. Потому что если что-то и ценить в изменчивом мироздании, то почему не собственные обещания? С другой стороны, для моего свободолюбивого характера его собственные правила оказались сдерживающими оковами.

Похоже, у нас обоих были совершенно различные взгляды на жизнь и персональные пути развития. Но собственные обещания я ценила не меньше брата. Просто старалась их не давать или оставлять лазейку. Черный ход - тоже выход. Да, я - лицемерка.

Оставалось только пообещать, что приложу все силы. Это и без того было правдой.

Аск лишь крепче обнял меня и сказал, что будет приходить в гости, несмотря на загруженный график.

*

Следующим утром меня потащили на очередной семейный прием к психотерапевту. Глаза б мои не видели докторов-мозголомов. В качестве глаз пациента, конечно же. Тем более, несмотря на вчерашнее приглашение Аска на ужин, родителей я все еще не простила. У меня тоже были и принципы, и гордость. И как минимум хотелось человеческого отношения.

Отца все же прорвало на сеансе:

- Что мы должны были сделать!? Потребовать назад деньги? Как бы это по-твоему выглядело?

- Наверное, не очень красиво, - натянуто улыбнулась я.

- Ты все понимаешь, но продолжаешь строить из себя обиженную, - процедил он сквозь зубы.

Лизавета Калашникова просила чаще говорить и общаться. Сообщать друг другу, если что-то не так.

Отец замечал, как мои неуклюжие попытки манипуляции, так и намеки на их собственные ошибки, но продолжал игнорировать.

Самое обидное, что я понятия не имела, о чем он думал. Что им двигало, когда он обнимал меня с извинениями или говорил, что мне следует делать и чего не делать. Больше похоже, что это он мною манипулировал.

- Со стороны Белки, - подняла я брови.

- Хельги, - поправила меня доктор.

- Крайне важное замечание с Вашей стороны, - тем же тоном поправила ее я, и продолжила, обращаясь к родителям: - Так вот, ответьте пожалуйста, как ваш поступок выглядел со стороны окружающих или с моей стороны?

Отец поджал губы.

- Может, Вы предложите свой вариант? - спросила я у доктора. Она наверняка знала, как должно выглядеть нормальное поведение родителей в подобных случаях.

- Паром ушел. Поздно требовать деньги обратно, - ответил отец.

На свой вопрос я ответа так и не получила. Словно они даже вслух не могли признать: мы первым делом кинулись защищать права чужого человека и теперь ничего не хотим исправлять. Спасибо, хоть не били. На регулярной основе. Хотя по моему опыту избиение - это не так неприятно, как моральное унижение.

- Значит, что вы опоздали на свой рейс, - пожала я плечами. - Какие ко мне теперь претензии?

В этот раз лбом уперлась я. Если эти люди не ценили того, что имели, то зачем оно им надо? Мол, пусть лежит себе, авось пригодится? Так речь о человеке, а не о вещи.

Мы снова зашли в тупик. Потому что у меня был собственный смутный опыт: как быть чьим-то ребенком, как быть отцом или матерью. И мне прекрасно были видны все их критические огрехи и пренебрежение.

Время от времени вспоминать и делать вид, что любишь, обнимая и целуя в щеку - это не отношение к собственному ребенку. Забота - это не напоминать время от времени "купи себе что-то за наши деньги", а воспитание - не синоним одной лишь критики.

Отец хотел что-то мне ответить, но мама крепко сжала его руку. Даже я заметила, с какой силой она вцепилась в его запястье.

- Не думай, что мы слепые, - мягким тоном начала она. - Мы с Улем видим, как ты ведешь себя с нами и как с остальными людьми. Особенно в сравнении с Аском. Возникает такое чувство, что ты... - мама замолчала, подбирая слова. - Будто ты заставляешь себя с нами общаться.

Минуты две мы смотрели друг на друга.

А что я могла им ответить? Она права.

Еще год назад мама была моим столпом. Я не представляла себе жизнь без нее. А папа выглядел для меня мудрым и недостижимым волшебником, который творил невероятные и непостижимые вещи.

Теперь я словно общалась с другими людьми, а прежних родителей больше не было. Или никогда не было, а эти образы жили лишь в моем воображении, как иллюзия для спасения от реальности.

- Скажи хоть что-то, - прошептала мама. Папина рука уже побелела, так сильно она ее сжимала.

- Ты права.

Наверное, она ожидала услышать что-то вроде: "Что ты, мамочка! Все совсем не так!". Мы же на приеме у психотерапевта, назначенного комитетом. Нужно показать решенную проблему, улыбнуться и сделать убедительный вид, что теперь все в полном порядке.

В ближайшие полчаса доктор заставила меня перечислять причины подобного отношения. Для нее смысла в этом было не много, так как все данные находились в моей карте. Видимо, это для родителей. Но мне прекрасно была известна реакция их обоих на критику. Которая не заставила себя долго ждать. Мама в очередной раз взорвалась о том, что я ничего не понимаю, а у них с папой больше опыта, потому они так и поступали.

До конца сеанса мы снова уперлись лбами.

<http://tl.rulate.ru/book/22567/977754>